

Шамурин Юрий

Великий Новгород

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 03
ББК 92
Ю70

Ю70 **Юрий Ш.**
Великий Новгород / Шамурин Юрий – М.: Книга по Требованию, 2023. – 110 с.

ISBN 978-5-521-30630-5

ISBN 978-5-521-30630-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

вая сторона опустѣла: ужъ иностранные гости не раскладываютъ тамъ драгоценныхъ своихъ товаровъ для прельщенія глазъ; огромныя хранилища, наполненныя богатствами земли Русской, затворены; не видно никого на мѣстѣ княжескомъ, гдѣ юноши любили славиться искусствомъ и силою въ разныхъ играхъ богатырскихъ и Новгородъ, шумный и воинственный за нѣсколько дней предъ тѣмъ, кажется великою обителю мирнаго благочестія. Всѣ храмы отворены съ утра до полуночи: Священники не снимаютъ ризъ, свѣчи не угасаютъ предъ образами, еиміамъ безпрестанно курится въ кадилахъ и молебное пѣніе не умолкаетъ на крилосахъ; народъ толпится въ церквахъ; старцы и жены преклоняютъ колѣни. Робкое ожиданіе, страхъ и надежда волнуютъ сердца, и люди, встрѣчаясь на стогнахъ, не видятъ другъ друга... Такъ народъ дерзко зоветъ къ себѣ опасности издали; но видя ихъ вблизи, бываетъ робокъ и малодушенъ! Одни чиновники кажутся спокойными—одна Марѳа тверда душою, дѣятельна въ совѣтѣ, словоохотна на Великой площади среди гражданъ и весела съ домашними. Юная Ксенія не уступаетъ матери въ знакахъ наружнаго спокойствія, но только не можетъ разлучиться съ нею, укрѣпляясь въ душѣ видомъ ея геройской твердости. Онѣ вмѣстѣ проводятъ дни и ночи. Ксенія ходила съ матерью даже въ Совѣтъ Верховный¹⁾.

Пушкинъ не разъ вдохновлялся новгородской исторіей. Въ 1822 году онъ пишетъ отрывки изъ незаконченной поэмы „Вадимъ“. Тамъ есть строки, посвященныя Новгороду. Поэма навѣяна между-усобными распрями первыхъ вѣковъ Новгорода, ихъ правами, буйными въ обращеніи съ властителями.

Въ грезахъ Вадима Пушкинъ описываетъ Новгородъ, и въ этой грезѣ съ пушкинской силой и полнотою передано впечатлѣніе подлиннаго, историческаго Новгорода, несомнѣнно видѣннаго поэтомъ неоднократно.

Онъ видитъ Новгородъ великій,
Знакомый теремъ съ давнихъ поръ;
Но тынь обросъ крапивою дикой,
Обвиты окна повиликой,
Въ травѣ заглохъ широкій дворъ.
Онъ быстро хранишь опустѣлыхъ
Проходитъ молчаливый рядъ;
Все мертво...

Въ 1816 году Пушкинъ написалъ стихотвореніе „Старица—пророчица“, посвященное барону Дельвигу. На мосту черезъ „синій Волховъ“ стояла старица. Къ ней обратился „молодецъ“, отправляющійся на битву:

¹⁾ Книга II. Стр. 210—11.

„Загадай ты мнѣ на счастье,
Ворочусь ли черезъ Волховъ?
За Шалонью враны каркаютъ,—
Плачетъ въ теремѣ невѣста!“

Отвѣтила ему пророчица:

Есть теперь одна невѣста,
Есть одна—святая Софія:
Обручись ты съ ней душою,
Уберися честно ранами...

...Трубы звучать за Шалонью рѣкой,
Грозно взвѣвають московскіе стяги!
Съ радостнымъ крикомъ Софія святой
Стала дружина...

...Кровью дымилось поле; стихаль
Въ столахъ прерывныхъ и замеръ гласъ битвы.
Теплой твоей, о Софія, молитвы
Спасъ не слыхаль!..

Наконецъ въ путешествіи Онѣгина есть строки о Новгородѣ:

Среди равнины полудикой
Онъ видитъ Новгородъ Великій:
Смирились площади—среди нихъ
Мятежный колоколь утихъ,
Но бродятъ тѣни великановъ:
Завоеватель Скандинавъ,
Законодатель Ярославъ,
Съ четою грозныхъ Іоанновъ,
И вокругъ поникнувшихъ церквей
Кипитъ народъ минувшихъ дней.

Людей начала XIX-го вѣка, конечно, не трогала красота новгородскаго искусства: ихъ волновали огненные страницы исторіи Новгорода, его трагическая судьба. Тотъ скрытый пламень мятежа, который накопился послѣ событій 1812-го года и нашелъ разрѣшеніе съ одной стороны—въ бунтѣ декабристовъ, а съ другой—въ огромномъ размахѣ творческихъ силъ 20-хъ и 30-хъ годовъ, находилъ себя въ далекихъ вѣкахъ новгородской исторіи. Н. Языковъ воспылѣлъ Новгородъ въ прекрасныхъ, но теперь вѣсколько поблекшихъ отъ частаго употребленія, строкахъ:

Время пролетѣло,
Слава отжита;
Вѣче онѣмѣло—
Сила отнята,
Городъ воли дикой,
Городъ буйныхъ силъ—
Новгородъ великій
Тихо опочилъ...

У Языкова есть еще нѣсколько лирическихъ стихотвореній, навѣянныхъ новгородской исторіей. Его бурная муза принимала романтическое прошлое Новгорода въ ореолѣ воинственныхъ легендъ и преданій. Однимъ изъ лучшихъ вдохновеній поэта является „Военная, Новгородская пѣсня 1170 г.“.

Свободно, высоко взлетаетъ орелъ,
Свободно волнуется море;
Замедли орлиный полетъ,
Сдержи своеправное море!

Не такъ ли, о други! къ отчизнѣ любовь,
Краса благороднаго сердца,
На битвѣ за славу и честь
Смѣла, и сильна, и побѣдна?

Смотрите, какъ пышенъ рождается день,
Какъ наши играютъ знамена;
Не даромъ красуется день,
Не даромъ играютъ знамена.

Видите сражаться подъ яркой зарей;
Отважныѣ душа и десница,
Когда передъ бодрымъ полкомъ
Хоругви завѣтныя блещутъ....

...Свободно, высоко взлетаетъ орелъ,
Свободно волнуется море;
Замедли орлиный полетъ.
Сдержи своеправное море! ¹⁾.

Будучи въ 1842 году въ Новгородѣ Герценъ написалъ яркую статью «Новгородъ Великій и Владиміръ на Клязьмѣ», напечатанную въ 1855 году въ «Полярной Звѣздѣ».

«...Память вышибъ своей долбнею царь Иванъ Васильевичъ изъ новгородцевъ, а долбня эта осталась и хранится въ соборѣ».

«...Зданія, пережившія смыслъ свой, наводятъ ужасъ, когда вы спросите объ нихъ новгородца, выросшаго и состарѣвшагося здѣсь, и онъ вамъ отвѣтитъ: «говорятъ, еще до Петра строено». Софійскій соборъ стоитъ на томъ же мѣстѣ, а противъ него губернское правленіе съ какой-то подъячески осунувшейся фасадой. Въ соборѣ хранится, какъ я сказалъ, долбня, а въ губернскомъ правленіи въ золотомъ ковчегѣ записка Аракчеева къ губернатору о убійствѣ его любовницы».

«...Странная судьба Новгорода—въ его исторіи два имени не забыты, оба женскія: Марѳа посадница и Настасья наложница; обѣ обрушили на Новгородъ невыразимыя бѣдствія. Первая жизнью, вторая смертью. Москва радовалась смерти первой, Петербургъ плакалъ о второй!».

¹⁾ Н. Языковъ. Стихотворенія. Часть I, стр. 66—7. С.-Пб. 1858 г.

Даже мирный Гончаровъ залюбовался тревожной исторіей Новгорода. Въ пятой части «Обрыва» онъ говоритъ о Татьянѣ Марковнѣ: «Пришла въ голову Райскому другая парца скорби, великая русская Мареа, скованная, истерзанная московскими орлами, но сохранившая въ тюрьмѣ свое величіе и могущество скорби по погибшей славѣ Новгорода, покорная тѣломъ, но не духомъ, и умирающая все посадницей, все противницей Москвы, и какъ будто распорядительницей судебъ вольнаго города».

Въ 1840-хъ годахъ забываютъ о Новгородѣ. Вновь появляется интересъ къ нему въ концѣ XIX вѣка, но уже подходъ къ нему не поэтический, а художественно-историческій. Сначала заинтересовываетъ его архитектура XI, XII и XIV вѣковъ. Затѣмъ въ самые послѣдніе годы возникаетъ новое, еще не завершенное, преклоненіе передъ Новгородомъ: переоцѣнивается и высоко возносится русская иконопись, и въ ней высшими геніальными достиженіями оказываются новгородскія иконы.

Теперь въ результатѣ Новгородъ занимаетъ еще болѣе крупное мѣсто въ исторіи русской культуры. Онъ не только славенъ своей исторіей: онъ создалъ вполнѣ самобытное русское искусство, пережившее политическую смерть Новгорода, и только въ концѣ XVI вѣка уступилъ значеніе центра русскаго творчества Москвѣ. Еще долгіе годы это было только географическимъ перемѣщеніемъ, потому что Москва продолжала питаться сокровищами новгородскаго наслѣдства.

Значеніе еще не завершившагося процесса открытія новгородскаго искусства въ исторіи русской культуры, да и въ исторіи Россіи вообще, огромно: раньше фундаментомъ русскаго творчества былъ XVII вѣкъ, иногда и кой-гдѣ XVI, а дальше шло что-то туманное и случайное: теперь мы видимъ, что не только XV, но XIII и XII вѣка были эпохой высоко развитой культуры, что во многихъ областяхъ эти почти миѣнскіе вѣка шагнули недостижимо далеко!

Мы знаемъ въ Новгородѣ великолѣпные храмы XII вѣка, знаемъ архитектуру XIV и XV вѣковъ, изумляющую своей оригинальной, не знающей никакихъ сближеній въ исторіи мірового искусства, красотой; знаемъ стѣнные росписи церквей, датированныя XII и XIV вѣками; знаемъ иконы, скульптуру, прикладное искусство; наконецъ, знаемъ высокое развитіе письменности...

И, наконецъ, каждый уголокъ, каждая церковь Новгорода овѣяна исключительной поэтической прелестью легенды. Нельзя пренебрегать легендами: онѣ такой же продуктъ художественнаго творчества, какъ иконы и храмы. Чѣмъ образнѣе, чѣмъ дальше отъ правды, но ближе къ красотѣ легенда, тѣмъ прѣннѣе она. Новгородскія легенды складывались давно: уже страницы лѣтописей пестрятъ ими. Въ нихъ находятъ себѣ мистическое

истолкованіе событія новгородской жизни, онѣ овѣвають плѣнительной загадкой старыя церкви, даже отдѣльныя иконы. Въ нихъ глубоко отражается душа создавшаго ихъ вѣка, его темпераментъ, его міроощущеніе. Не даромъ легенды, приближаясь ко времени новгородской гибели, становятся тревожнѣе, ихъ предзнаменованія грозны, словно уже почувяла народная душа грядущія грозы!

Для насъ легенда только красивая сказка. Но для людей стараго Новгорода, принимавшихъ міръ, какъ волю Божию, какъ шаткій синтезъ сплетеній Добра и Зла, легенда была достовѣрна.

Все это дѣлаетъ скромный и скучный провинціальный городъ, дремлющій надъ Волховомъ, такимъ же средоточіемъ русской культуры, какъ Кіевъ, Москва и Петербургъ!..

I.

Поезд на разсвете приближается к полустанку Николаевской ж. д. «Волховъ». Чего-то сказочного ждет душа и странно видеть за слезящимся окномъ вагона въ сѣро-голубомъ осеннемъ полусветѣ проносящіеся чахлые перелѣски, болотистыя поляны, съ поблескивающимъ въ отраженіи небомъ. Затѣмъ проносится поездъ по мосту черезъ широкую, дымящуюся туманомъ рѣку и останавливается у дощатаго полустанка.

Это Волховъ—рѣка легенды и исторіи. Пароходъ запаздываетъ, опасаясь въ туманѣ порожиистой и быстрой рѣки. На пристани, тускло освѣщенной фонарями, дремлетъ продрогшая публика. Кругомъ съ невидной рѣки несетя, клубясь и сливаясь въ странные образы, холодный туманъ. Какъ миражъ видится въ немъ желѣзный мостъ, фабричныя трубы на дальнемъ берегу, и свѣтлѣющее небо на востокѣ...

Все плыветъ кругомъ и кажется призракомъ. У берега плещется мутная коричневая вода, набѣгая мелкими волнами. Все бѣгутъ туманные призраки: холодныя крышатыя тѣни вязнутъ въ черныхъ вѣтвяхъ березъ и проводятъ по лицу холодными крыльями. Пусть виденъ мостъ и пытитъ гдѣ-то паровая машина, и свиститъ приближающійся пароходъ, все это не рушитъ поэзіи разсвета на Волховѣ; все же въ такое утро бродилъ по берегу пустынной рѣки Садко и плѣлъ въ тоскѣ, вглядываясь въ широкую туманную равнину, и услышалъ вдали пѣснь Волховы и увидѣлъ «чудотворное, диво-дивное»...

Уже становится совсѣмъ свѣтло, когда приходитъ пароходъ. Послѣ недолгой стоянки отваливаетъ и свободно идетъ среди полноводной, парственной рѣки, такой непохожей на изсохшія приволжскія рѣки. Исчезаетъ желѣзнодорожный мостъ и прячутся за высокимъ берегомъ трубы кузнецовской фабрики. Тянутся вольные волховскіе берега, оставшіеся такими же пустынными, какъ и много вѣковъ тому назадъ. Назадъ остается современность и пароходъ, съ каждой волной, оббѣгающей корму и вливающейся въ плывающійся слѣдъ, точно уходитъ въ даль вѣковъ.

На высоком ~~правом~~^{левом} берегу высится Званскій монастырь и открываетъ рядъ историческихъ памятниковъ начала XIX вѣка. Среди густыхъ деревьевъ бѣлѣютъ монастырскія церкви и между ними прекрасная колоннада. Монастырь помѣстился въ любимой усадьбѣ Г. Р. Державина—Званкѣ, навѣявшей ему много стихотворныхъ строкъ.

Дальше на томъ же берегу вырисовывается сѣрый домъ съ бѣлыми колоннами — усадьба Вергежй Тырковыхъ.

Скоро по обоимъ берегамъ Волхова тянутся на многія версты однообразные корпуса — то каменные, то деревянные, чередуясь съ какими-то вышками и пладами, обсаженными деревьями. Это пресловутыя военныя поселенія Аракчеева. Какъ кошмаръ тянутся по вольнымъ берегамъ уродливыя казармы, похожія съ рѣки на противную плѣсень. Вихремъ кровавыхъ и уродливыхъ воспоминаній врываются они въ величественную легенду Волхова. Точно послѣ красивыхъ и волнующихъ страницъ открылась убогая и кровавая повѣсть, надъ которой нельзя думать, стыдно смотрѣть и хочется только навсегда забыть!..

Когда кончаются военныя поселенія, опять широко раскидывается зеленая равнина по сторонамъ рѣки. Скоро впереди вырисовываются бѣлыя церкви — первые вѣстники Новгорода. Еще неотчетливо, почти намеками, показываютъ онѣ какую-то новую архитектурную красоту, незнакомую московской Руси: гладкія бѣлыя стѣны, суровыя главы, лишенные всякой нарядности и узорчатости. Все это глубоко родственно представленію о тѣхъ далекихъ вѣкахъ, въ которые былъ славенъ Новгородъ.

Сначала показывается налѣво Варлаамовъ Хутынский монастырь. Какъ большая часть новгородскихъ монастырей онъ основанъ въ XII вѣкѣ и первые вѣка его исторія окружены легендами. Преподобный Варлаамъ былъ именитый новгородскій гражданинъ. По смерти родителей онъ роздалъ бѣднымъ свое имущество и уединился для молитвы и христіанскаго подвига въ лѣсную чашу, въ дремучій темный боръ; и однажды на молитвѣ увидѣлъ пустынникъ Варлаамъ, какъ необычно яркій лучъ солнца пробивается сквозь толщу вѣтвей и упирается въ землю. Понявъ знаменіе, Варлаамъ построилъ здѣсь себѣ келью, собралъ иноковъ, построилъ съ ними церковь во имя Преображенія Господня и положилъ основаніе монастырю. Старыхъ на новгородскій масштаб построекъ здѣсь не сохранилось, самая древняя — Преображенскій соборъ, относящійся къ XVI вѣку. Онъ освященъ въ 1515 году, придѣлы же пристроены въ серединѣ XVII вѣка.

Много легендъ связано съ Хутынскимъ монастыремъ. Въ 1471 году, придя въ Новгородъ, Іоаннъ III посѣтилъ монастырь; онъ хотѣлъ открыть мощи святителя и велѣлъ откопать его гробницу; тогда поднялся огонь, густой дымъ наполнилъ церковь; въ ужасѣ выбѣжалъ изъ церкви царь, и

всюду, куда ни ставилъ онъ свой посохъ,—выбивался огонь изъ земли. И донинѣ хранится въ монастырѣ драгоцѣнный посохъ, брошенный царемъ, и опаленная дверь алтаря!

За Хутынскимъ монастыремъ уже ясно чувствуется близость Новгорода. По обоимъ берегамъ вышлываютъ, смѣняясь, суровыя бѣлыя церкви монастырей, когда-то окружавшихъ гору широкимъ поясомъ: Деревяницкій монастырь, Колмовская церковь—остатокъ Успенскаго монастыря, основаннаго въ 1310 году, два монастыря, одинъ напротивъ другого, Звѣринъ и Антоніевъ. Эти два монастыря—первыя художественныя впечатлѣнія Новгорода. Уже издали ихъ бѣлыя стѣны, гладкія, лишенныя украшеній, ихъ суровыя, какъ шлемы богатырей главы, далекія отъ всѣхъ видѣнныхъ памятниковъ древне-русскаго зодчества, намекаютъ на царственную обособленность искусства Великаго Новгорода.

Антоніевъ монастырь основанъ въ первые годы XII вѣка. Его соборъ принадлежитъ къ древнѣйшимъ церквамъ Новгорода. Первые вѣка Антоніева монастыря, какъ и все здѣсь, въ этой легендарной области, окружено преданіями. Они фантастичны, они сплетены на основѣ того довѣрчиваго, допускающаго всякое вмѣшательство высшихъ силъ въ ходъ человѣческой жизни, мистицизма, которымъ наполнены лѣтописи и житія святыхъ, о которомъ въ невыразимо убѣдительныхъ формахъ вѣщаютъ иконописцы. Имъ не вѣритъ современная душа, но отбросить какъ вымыселъ тоже не можетъ, потому что почти каждая легенда подтверждается вещественными памятниками, въ родѣ обугленной двери изъ Хутынскаго монастыря.

Можетъ быть правда, жили когда-то люди въ иныхъ возможностяхъ, не зная законовъ природы и жизни, сводящихъ жизнь современности къ шаблону, къ расписанію поѣздовъ? Можетъ-быть было время, когда ходъ вещей направлялся разумной волей, и Богъ, близкій человѣку, направлялъ его шаги, являлъ ему знаменія и чудеса?...

Житіе св. Антонія рассказываетъ, что онъ родился въ Римѣ. Оставшись рано сиротой, онъ раздалъ свое богатство нищимъ, а оставшіяся драгоцѣнности, золотыя и серебряныя вещи и церковные предметы закупорилъ въ бочку и пустилъ ее въ море. Самъ уединился на скалѣ на берегу моря и прожилъ тамъ годъ и три мѣсяца. Но однажды камень, на которомъ онъ молился, оторвался и чудесно поплылъ по морю. Послѣ трехдневнаго пути Антоній приплылъ, черезъ Неву и Ладожское озеро, въ Волховъ и очутился въ Новгородѣ. Это было въ ночь подъ Рождество Христово въ 1106 году. На мѣстѣ, гдѣ онъ присталъ къ берегу, преподобный Антоній Римлянинъ построилъ монастырь. Черезъ годъ онъ попросилъ рыбаковъ за слитокъ серебра закинуть сѣтъ въ Волховъ, и чуднымъ образомъ сѣтъ вытащила на берегъ бочку съ сокровищами Антонія, брошенную имъ въ море въ Италіи. Такъ говоритъ легенда и смѣшно ей

вѣрить, но въ соборѣ монастыря надъ мощами Антонія висятъ шесть эмалевыхъ иконъ съ латинскими надписями. Такія иконы не встрѣчаются въ Новгородѣ и вообще въ Россіи, и преданіе говоритъ, что онѣ принадлежатъ къ сокровищамъ Антонія, приплывшимъ къ нему въ бочкѣ по морю...

Двуглавый соборъ, непривычнаго для не бывавшихъ въ Новгородѣ типа, построенъ въ началѣ XII вѣка. Далекое время, рисующееся смутными очертаніями, словно вырѣзанное изъ камня, обладало, оказывается, высоко-развитымъ искусствомъ, задавалось строительными замыслами такого масштаба, какой повторился развѣ только въ XVII столѣтіи!

Напротивъ за Волховомъ бѣлѣютъ церкви Звѣрина монастыря. Онъ тоже основанъ въ началѣ XII вѣка. Его двѣ церкви — Покрова Богородицы и Симеона Богопріимца построены въ 1399 и 1468 годахъ. Церковь Покрова — бѣлый кубъ безъ всякихъ украшеній, кромѣ ниспадающихъ полукружій; надъ этими бѣдными стѣнами высится глава дивнаго рисунка, завершающая церковь заостренной полусферой. Новгородъ создалъ эти главы, украсилъ ими всѣ свои старыя церкви; это такая же логичная и самобытная форма, какъ колонна для греческаго храма. Много разъ повторяло человѣчество античныя колонны, и всѣ эти перепѣвы кажутся совершенными, пока далекъ оригиналъ. Главы московскихъ и ярославскихъ церквей становятся такими же перепѣвами послѣ храмовъ Новгорода!

По берегамъ тянется Новгородъ. Слѣва — Торговая сторона съ безчисленными главами старыхъ церквей надъ низкими домами. Справа — Софійская; на высокому берегу темнѣютъ кирпичныя стѣны Дѣтинца, окаймленные деревьями. Надъ нимъ высятся бѣлыя арки колокольни и, когда пароходъ подходитъ ближе, вырисовываются темные свинцовые купола св. Софій; надъ ними блеститъ центральный — золотой. А плавная серебристо-мутная рѣка кругомъ живетъ кипучей жизнью; у береговъ ряды рыбачьихъ барокъ: грузныя, темныя, изъ неокрашеннаго дерева, онѣ вырѣзаются надъ водой яркими пятнами узоровъ на носу. У нихъ тяжелые сѣрые паруса, квадратные и неповоротливые, и когда, медленно поворачиваясь на серединѣ рѣки, движется къ Ильмену баркасъ, — онъ кажется остаткомъ древнихъ вѣковъ, копіей тѣхъ «кораблей разукрашенныхъ», на которыхъ оплывали рѣки и моря новгородскіе гости и ушкуйники. У берега на лодкахъ степенно работаютъ свѣтлорусые боролатые люди, прекрасно сохранившіе великорусскій типъ; ихъ говоръ лѣнивый и тяжелый, идетъ къ грузнымъ лодкамъ, къ мутной рѣкѣ, ко всей окружающей картинѣ.

Железный мостъ Николаевскихъ временъ перерѣзаетъ Волховъ, соединяя Торговую и Софійскую стороны. Съ него далеко видны Новгородскія набережныя и лѣнивая широкая рѣка, тускло блестящая подъ солнцемъ...

Первая мечта въ Новгородѣ—о святой Софіи. Она бѣлѣетъ въ Дѣтинцѣ среди казарменныхъ корпусовъ присутственныхъ мѣстъ, только главы, видныя съ моста надъ стѣнами, отмѣчаютъ мѣсто завѣтной новгородской святыни. Отъ моста сквозь арку, пробитую въ Кремлевской стѣнѣ, видна широкая мощенная площадь; на ней темной массой высится памятникъ тысячелѣтія Россіи, заинтересовывающій массой скульптурныхъ фигуръ. Приближаясь къ нему, проходишь сквозь арку, вступаешь на площадь и справа вырастаютъ высокія бѣлыя стѣны, почти безъ оконъ, гладкіе пилястры, арки на верху стѣнъ, и изумительнаго рисунка купола. Это святая Софія, знакомая по ранѣ видѣннымъ изображеніямъ. Первое впечатлѣніе—новизны и неожиданности, потому что ни одно изображеніе не передаетъ всей прелести огромныхъ бѣлыхъ стѣнъ, на которыхъ густыми тѣнями отмѣчены дѣленія и углубленія оконъ; въ плоскостномъ изображеніи исчезаетъ очарованіе главъ и барабановъ, такъ плавно заполняющихъ пространство...

Есть историческіе памятники, реликвіи вѣковъ и народовъ, обаяніе которыхъ въ насыщенности исторіей; ихъ мертвые камни одухотворены мыслями и чувствами населявшихъ ихъ людей, насыщены минувшей жизнью. Къ такимъ должна бы принадлежать и святая Софія: «къ дѣ святая Софія, ту Новгородъ»; яркіе вѣка новгородской вольности клубились кругомъ ея стѣнъ, подъ ея сводами черпали люди могучую силу жизни, бросавшую ихъ на удалые подвиги, на тяжелые вдохновенные труды!

Но свѣже выбѣленные, нарядныя въ своей сохранности, стѣны новгородскаго храма утратили весь ароматъ многовѣкового существованія. Ихъ прелесть чисто художественная. Первое слово, раздающееся въ сердцѣ, при приближеніи къ Софійскому собору звучитъ не благоговѣніемъ, а восторгомъ.

Софійскій соборъ не является созданіемъ одного мастера, даже одного вѣка. Къ основѣ, положенной между 1045 — 54 годами византійскими мастерами, пристроены въ XII вѣкѣ паперти и придѣлы. Послѣ разрушительныхъ пожаровъ соборъ перестраивался и утратилъ прежнія формы главъ. Несмотря на это, Софійскій соборъ, явившійся въ результатъ работы многихъ вѣковъ и мастеровъ, весь проникнутъ одной красотой. Точно создалъ его одинъ вдохновенный художникъ, понявшій величественную красоту гладкихъ бѣлыхъ стѣнъ, нашедшій геніальные контуры куполовъ. И если представить ясно, что не было такого художника и единого человѣческаго сознанія, украшавшаго святую Софію, что ее создалъ народъ и вѣка, то новгородская святыня озаряется мистическимъ свѣтомъ: творя чью-то вышнюю волю, прилагали свои труды къ ея стѣнамъ люди разныхъ поколѣній и ихъ слабыми и робкими человѣческими руками лѣпилось вѣчное твореніе народа!..

Софійскій соборъ весь до послѣдняго камня отъ давнихъ вѣковъ. Мощный покой стѣнъ, красивыхъ и безъ украшеній, дѣтски простые ли-